

ФРИДА ВИГДОРОВА

ПРАВО
ЗАПИСЫВАТЬ
(СБОРНИК)

Личный архив

Фрида Вигдорова

Право записывать (сборник)

«ФТМ»

УДК 821.161.1-94
ББК 84(2Рос=Рус)6-4

Вигдорова Ф. А.

Право записывать (сборник) / Ф. А. Вигдорова — «ФТМ»,
— (Личный архив)

ISBN 978-5-17-102287-7

«Право записывать» – это книга статей, очерков, записей журналистки и писательницы Фриды Вигдоровой (1915–1965). Большая ее часть построена на архивных материалах – писательских и журналистских блокнотах, в которых проявилась одна из главных особенностей таланта Вигдоровой: абсолютный слух на людскую речь и способность художественно воспроизводить услышанное многоголосье. В книгу включена также глава из ее неоконченной повести «Учитель». Помимо текстов Вигдоровой, в книгу вошли фрагменты воспоминаний, статей, выступлений, посвященных ее жизни, творчеству и деятельности. Большая часть материалов публикуется впервые. Тексты Фриды Вигдоровой публикуются с сохранением авторской орфографии и пунктуации.

УДК 821.161.1-94
ББК 84(2Рос=Рус)6-4

ISBN 978-5-17-102287-7

© Вигдорова Ф. А.
© ФТМ

Содержание

От составителей	6
Свет доброты	10
Статьи, очерки	18
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Фрида Вигдорова

Право записывать

Сборник

© Ф. А. Вигдорова, наследники, 2017

© Е. И. Вигдорова, А. А. Раскина, составление, комментарии, 2017

© Оформление. ООО «Издательство АСТ», 2017

* * *

*Разве можно лишать журналиста его естественного права
видеть, записывать, добираться до смысла происходящего?*

*Из письма Ф. Вигдоровой редактору «Литературной газеты»
А. Чаковскому*

От составителей

Более полувека прошло со дня смерти писательницы и журналистки Фриды Абрамовны Вигдоровой – она умерла 7 августа 1965 года (родилась 16 марта 1915 года). Ее книги «Мой класс», трилогия «Дорога в жизнь», «Это мой дом», «Черниговка», дилогия «Семейное счастье», «Любимая улица» известны читателю и переиздавались в последние десятилетия. Не затерялись в современном книжном мире и недавно впервые опубликованные материнские дневники «Девочки».

Вигдорову-журналиста знают сегодня в первую очередь благодаря ее записи суда над поэтом Иосифом Бродским. Мы стремились не только создать более полный портрет писателя-журналиста, но и помочь людям нового века увидеть непростую, драматическую, а порой и трагическую эпоху, которая вошла в историю под именем Оттепели. В книге использованы архивные материалы – блокноты, письма, публицистика Фриды Вигдоровой, воспоминания о ней современников.

Книга открывается воспоминаниями близкого друга Фриды Вигдоровой, писательницы И. Грековой, которая рассказывает о ее жизни и творчестве и при этом тщательно воссоздает ее образ: ее речь, ее смех, ее внешний облик – и читатель видит и слышит Фриду Вигдорову. С помощью И. Грековой он как бы знакомится лично с автором книги, которую ему предстоит прочесть.

Раздел «Статьи, очерки, блокноты журналиста» открывается шестью статьями и очерками Вигдоровой, которые публиковались в оттепельный период в газетах и в альманахе «Тарусские страницы»: альманах вышел в 1961 г. и в том же году был запрещен; некоторые из них даны нами в сокращении – мы хотели лишь показать читателям, с каким трудом прорывалась гласность и как звучали в то время слова журналиста Фриды Вигдоровой.

Центральное место в разделе занимают «Блокноты журналиста». Записанные без оглядки на цензуру напыщенные речи власть имущих, горькие жалобы деревенских стариков, слова горожан и колхозников, которые в начале оттепели вдруг заговорили свободно... Блокноты предшествовали статьям, и записи в них по понятным причинам были полнее, а порой – по тем же причинам – и не превращались в статью. Некоторые сюжеты мы даем только по блокнотам.

Помимо заготовок к статьям или более полных вариантов статей, блокноты включают в себя и беглые зарисовки увиденного, услышанного – как пишет сама Вигдорова, «в вагоне, на печке, на улице». В этих неподцензурных блокнотах свободно, в полный голос говорят не только многочисленные герои, но и сам автор.

Раздел завершает очерк Александры Раскиной «Вокруг статей». В нем рассказывается о судьбах тех, о ком писала Ф.А., и о том, как происходила ее борьба за них. В очерк Раскиной включены и переписка Ф.А. с друзьями, связанная с материалами статей, и отрывки из воспоминаний Н. Г. Долининой и О. Г. Чайковской.

Следующий раздел – «Блокноты депутата». В 1963 году Фрида Вигдорова была избрана депутатом райсовета Фрунзенского района г. Москвы. Ее кандидатуру выдвинул Союз писателей, и Ф.А. согласилась баллотироваться, так как считала, что это даст ей какие-то полномочия и ей будет легче хлопотать за людей, в том числе и за Бродского, которого уже начали травить в Ленинграде. На деле же оказалось, что должность депутата районного совета никаких полномочий не дает. Просто, кроме множества дел, которыми Ф.А. занималась, на нее свалилось огромное количество жалоб избирателей на их невыносимые жилищные условия. Эти жалобы никто разбирать не хотел, и ничего, чтобы сделать жизнь людей более человеческой, не делалось. А ведь речь шла даже не об отдельных квартирах – о комнатах! И Ф.А. приходилось обивать пороги начальства, просить за этих несчастных и добиваться, чтобы их переселили.

За полтора года депутатской работы она добилась переселения ста (!) семей. Она занималась этими делами почти до самого конца жизни.

Во время своего депутатства Ф.А. вела записи – монологов-жалоб избирателей, а также помпезных и одновременно безграмотных речей начальников.

Ф.А. сама отобрала самые сильные записи из своих журналистских и депутатских блокнотов и подготовила их к публикации (при этом Ф.А. изменяла фамилии людей, появляющихся на страницах этих записей). Конечно, эти «Блокноты» не могли увидеть свет при жизни Ф. А. Однако она читала их друзьям и знакомым, и сохранились даже магнитофонные записи этих чтений. В «Блокнотах» проявился главный дар Вигдоровой – абсолютный слух на людскую речь и способность художественно воспроизводить услышанное многоголосье. За последнее время накопилось множество воспоминаний – в дневниках, письмах, мемуарах – о впечатлении, которое эти записи производили. О блокнотах восторженно отзывались Лидия Чуковская, Анна Ахматова, Варлам Шаламов, Надежда Мандельштам, И. Грекова и др. А Корней Иванович Чуковский в своем дневнике за 12 декабря 1963 года так прямо и пишет: «Была Фрида Вигдорова. Записи ее гениальны: «Блокнот журналиста» и «Блокнот депутата».» (Корней Чуковский. Дневник 1936–1969. М.: ПРОЗАиК, стр. 375).

«Блокноты журналиста» и «Блокноты депутата» были напечатаны только через 40 лет после ее смерти (в малотиражном и труднодоступном втором выпуске «Тарусских страниц» в 2003 г. и в журналах «Новый мир» и «Звезда» в 2005 г.). В эту книгу мы включили и не вошедшие в публикации записи – те, что хранятся в архиве. Мы старались не нарушать композиционную законченность «Блокнотов» и никаких записей, найденных в архиве Вигдоровой, не вставляли в подготовленные ей самой тексты. Найденные нами записи «на депутатскую тему» мы объединили в отдельную главку под заголовком «Записи, не вошедшие в блокноты депутата», а если среди архивных записей попадались записи на сюжеты из «Блокнотов журналиста», мы делали к ним соответствующие примечания.

Особое место в журналистской деятельности Фриды Вигдоровой занимает запись суда над Бродским: это первый правозащитный документ в СССР и одно из первых широко циркулирующих произведений Самиздата. Не случайно «светлой памяти Фриды Вигдоровой» посвятил свою знаменитую «Белую книгу», составленную из документов по делу Даниэля и Синявского, Александр Гинзбург. Это дело было начато через месяц после смерти Ф.А., и, защищая арестованных писателей, люди, боровшиеся с беззаконием и несправедливостью, учитывали опыт Ф.А.

На вечере памяти Фриды Вигдоровой, который проходил в «Мемориале» в июне 2015 года и был посвящен ее столетию (см. в Сети: <https://www.youtube.com/watch?v=RJ88Lcpxa0c>), известный правозащитник Павел Литвинов, а также педагог и литературовед Эдуард Безносков рассказывали, как в те далекие 60-е годы ее запись определила их дальнейший жизненный путь, а писатель и поэт Анатолий Найман поместил запись Ф.А. в литературный контекст, сравнив ее с античной пьесой. После самой записи мы приводим в книге тексты выступлений на этом вечере Павла Литвинова, Эдуарда Безноскова и Анатолия Наймана.

Благодаря записи суда над Бродским, сделанной Фридой Вигдоровой, «дело Бродского» прогремело на весь мир. Запись эта послужила в конце концов освобождению поэта из ссылки и сыграла важную роль в его дальнейшей судьбе. Она немедленно была опубликована за границей – сначала в переводах, а потом и по-русски. В нашей же стране – лишь в декабре 1988 года в журнале «Огонек» под названием «Судилище» (публикация А. Раскиной, предисловие Лидии Чуковской, комментарии Э. Безноскова) и с тех пор никогда и нигде у нас не была напечатана в том виде, как она была написана, кроме Сети, где она помещена на нескольких сайтах. К сожалению, часто она приводится с опечатками и неточностями. В этой книге мы повторяем огоньковскую публикацию (вместе с кратким предисловием Чуковской), которую считаем образцовой.

Текст «Судилища» мы приводим после статей, «Блокнотов журналиста» и «Блокнотов депутата». Такое расположение не случайно. Дело Иосифа Бродского, оказавшееся последней битвой Фриды Вигдоровой, дело, которое она считала провалом, но которое кончилось полной ее победой (чего ей уже не довелось увидеть), было абсолютно естественным продолжением и кульминацией ее постоянной деятельности по спасению несправедливо обиженных.

Помимо журналистских и депутатских блокнотов, мы публикуем и то, что мы условно назвали «Блокноты писателя». В архиве Ф.А. хранятся эти небольшого формата тетрадки, исписанные ее быстрым почерком. Внутри – впечатления, мысли, услышанные диалоги и реплики, курьезы, детская речь, портреты, сценки и целые монологи героев будущих книг. А еще – выписки из Толстого, Герцена, Достоевского, Ремизова, Бердяева, Ренара – часто с комментариями. И стихи, стихи, стихи... И молодых, и уже известных поэтов. В основном – неопубликованные. Всё это – строительный материал для статей и книг, отражение ее размышлений и наблюдений. Мы приводим лишь часть этих записей, но и по ним ясно, как остро Ф.А. воспринимала всё, что вокруг нее происходило.

После «Блокнотов писателя» мы помещаем последний текст, принадлежащий перу Фриды Вигдоровой, – главу из неоконченной повести «Учитель», над которой она работала до конца жизни (повесть опубликована в журнале «Звезда», № 4 за 2016 год¹). Мы считаем возможным поместить фрагмент художественного произведения Ф.А. в книгу ее публицистики, так как глава эта, построенная на рассказе-исповеди вагонного попутчика, имеет публицистическую основу, как и многие другие «услышанные» Ф.А. монологи, диалоги, устные рассказы (ср. записанный Фридой Абрамовной рассказ М. Зошенко, помещенный ею в «Блокноты журналиста»). Про эту исповедь попутчика Фрида Абрамовна рассказывала Надежде Яковлевне Мандельштам, и та пересказала ее в своей «Второй книге» (глава «Назидательная история»)², так как «не хотела, чтобы эта история пропала». Но и Фрида Вигдорова не хотела, чтобы она «пропала», и поместила ее в свою повесть, интерпретировав ее не так, как Надежда Яковлевна, а значительно жестче.

Помимо текстов Фриды Вигдоровой, в книгу включены и некоторые другие материалы. Вместо предисловия мы дали воспоминания о ней И. Грековой, а в качестве послесловия – мемуары Надежды Яковлевны Мандельштам, недавно опубликованные в «Октябре». Надежда Яковлевна много внимания уделяет «Блокнотам журналиста» и «Блокнотам депутата», а также рассказывает – как очевидец и участник событий – о борьбе Ф.А. за освобождение Иосифа Бродского. Журналистский раздел завершается воспоминаниями Александры Раскиной – очерком «Вокруг статей». Ее же статья «Фрида Вигдорова и дело Бродского: мифы и реальность» завершает публикацию «Судилища» и сопутствующих материалов.

В заключение мы хотели бы от всего сердца поблагодарить:

редактора журнала «Звезда», историка Якова Гордина, чьи статьи и книги о деле Бродского являются образцовыми по верности событиям и точности изложения и кто на протяжении многих лет публикует в своем журнале как произведения самой Ф.А., так и воспоминания о ней;

мандельштамоведа Павла Нерлера, публикатора воспоминаний Н. Я. Мандельштам о Фриде Абрамовне, который подключил нас к работе с этим очерком, а также способствовал публикации неоконченной повести Ф.А. «Учитель»;

филологов, историков и архивистов Ольгу Розенблюм и Марию Майофис, чьи научные интересы включают жизнь, деятельность и литературное наследие Фриды Абрамовны, – они знают об этом подчас больше, чем мы сами, и всегда готовы поделиться этими знаниями;

¹ В Сети, в Журнальном зале: <http://magazines.russ.ru/zvezda/2016/4/uchitel.html>, помещена полная версия этой публикации, без каких бы то ни было неточностей. Однако в бумажной версии журнала допущена досадная ошибка: на обложке журнала и в оглавлении вместо названия повести «Учитель» дано название «Читатель».

² Н. Мандельштам. Собрание сочинений в 2-х т. Т. 2. – Екатеринбург: Гонзо, 2014. С. 556–558.

сотрудницу Литературного агентства ФТМ Татьяну Соколову, без заботы которой и ее высокого профессионализма ни одна книга Ф.А. из тех, что вышли за последние 6 лет, не увидела бы свет;

нашего друга, художника Эрика Первухина, без помощи и советов которого мы не смогли бы подготовить к публикации ни одной из иллюстраций из нашего семейного архива;

всех тех наших близких – родных и друзей, филологов и не-филологов, с которыми мы постоянно советовались в ходе работы над этой книгой; и отдельно – Анну Шур, редактора издательства «Розовый жираф», чья профессиональная помощь была нам очень нужна, потому что мы хотели сделать книгу интересной не только для тех, кто помнит пятидесятые и шестидесятые годы прошлого века, но также – а может быть, и в первую очередь! – для тех, кто родился и живет уже в другую эпоху;

и наконец, нельзя не упомянуть, как остро нам не хватало в работе над этой книгой Елены Цезаревны Чуковской, которая ушла от нас в 2015 г. Елена Цезаревна опекала буквально каждую книгу Ф.А. с 2011 по 2014 г. и щедро делилась с нами своими обширными познаниями, а также материалами из личных архивов К.И. и Л. К. Чуковских. Светлая ей память!

Некоторые пояснения к именам членов семьи Ф.А., которые она иногда упоминает в письмах или «Блокнотах писателя»:

Шура – Александр Борисович Раскин (1914–1971), писатель-сатирик, муж Ф.А.

Галя – Галина Александровна Кулаковская, в замужестве Киселева (1937–1974), дочь Ф.А. от первого брака.

Саша – Александра Александровна Раскина (р. 1942), дочь Ф.А. и А. Б. Раскина.

Свет доброты

3

Это был человек необычайной, удивительной прелести. Все вспоминающие о ней говорят прежде всего о ее глазах и взгляде. Глаза были большие, блестящие, темно-карие – особенный, светоносный, полный доброты, ума и какого-то веселого понимания взгляд. Лучащиеся черным глаза...

Тепло и свет, исходившие от Фриды, ощущали все, соприкасавшиеся с нею. Товарищи по работе, писатели, журналисты, все люди, обращавшиеся к ней за помощью, угнетенные, притесненные – «имя им легион». И те, кто помогал ей самой, врачи, сестры, санитарки в больнице. И просто соседи по дому, лифтеры, уборщицы. «Какого обаяния женщину я сегодня прооперировал!» – сказал своим коллегам знаменитый хирург, оперировавший Фриду во время ее последней, смертельной болезни.

Пытаясь о ней писать, я всё время сознаю бессилие слов. Слова остаются по одну сторону, а Фрида, какая она была, – по другую.

Счастлива она была или несчастна? Как посмотреть... Если для счастья нужно, чтобы тебя любили, – Фрида была счастливейшим человеком. Ее любили все: родные, близкие, знакомые, полужнакомые. Даже те, кто никогда не видел ее в лицо, только читал ее книги. Сотни читательских писем приходили к ней постоянно.

Если же для счастья нужен покой, то Фрида Вигдорова была несчастнейшим человеком: у нее никогда не было покоя. Ей были близки злоключения, беды и страдания такого широкого круга людей, что трудно понять: как она ухитрялась всё это в себя вместить? Работа журналиста, а в последние годы и депутата районного Совета сталкивала ее со множеством людей, их судьбами, заботами. Скажем, деревенские старики, которым председатель колхоза не давал соломы на прохудившуюся крышу. Калеки и слепые в инвалидном доме. Учительница музыкальной школы, чуть не погибшая от бессердечия, ханжества, лицемерия. Подросток с тяжелой судьбой, сбившийся с пути, попавший в колонию. Всех не перечесать! И все эти судьбы Фрида Вигдорова собирала в свою душу. Приезжала с корреспондентским билетом на место происшествия. Смотрела, что к чему, кто виноват, кто прав, разбиралась, заступалась, ходатайствовала... И часто ей задавали один и тот же вопрос: «Кем вы ему (или ей) приходитеесь?». Да никем она им всем не приходилась. Человеком...

Множество людей выручала, опекала, поддерживала Фрида Вигдорова. Главным для нее была подлинность страдания, а этого не подделаешь. Всё время она за кого-то заступалась, что-то отвоевывала... Звонила по разным инстанциям, ходила лично, просила помочь... Вот где ей служило добрую службу ее обаяние: человеку с такими глазами, с такой улыбкой, как у Фриды, трудно было отказать! Как она радовалась при удаче, а при неудаче как близко и горько принимала происшедшее к сердцу!

Ее доброта отнюдь не была беззубой, неразборчивой. Встречаясь со злом, бюрократизмом, подлостью, она вступала в борьбу. Но и борясь – не ожесточалась. Вера в человека, в человеческое всегда брала в ней верх над горечью и разочарованием.

А разочарования бывали, и связаны они были с ее заступнической деятельностью. Случалось, объект защиты оказывался недостойным ее. А то еще и другие сложности: ревность, взаимные обиды. По свойству характера Фрида каждому делу, которое она вела, отдавала всю себя, всю душу. Но вот проходила эта беда, на горизонте появлялась новая, и Фрида с той же самоотверженностью и увлеченностью бросалась на помощь. А тот, кто был раньше в центре внимания, теперь оказывался на периферии и не всегда помнил, что подопечных много, а она –

³ Статья опубликована в «Литературном обозрении», 1996, № 3, стр. 66–67 под названием «О Фриде Вигдоровой».

одна. Некоторые начинали ревновать, обижаться, видя Фридину поглощенность уже другими судьбами... Неразумные люди! Несправедливая горечь таких обид была единственной тенью в мире светлой, всеобщей любви, окружавшем Фриду.

«Нет для меня чужих» – вот что было важнейшей заповедью, под знаменем которой она жила. Характерен эпизод из ее повести «Семейное счастье». Война, эвакуация, Ташкент. Старшая дочка героини повести Саши Москвиной (в ее образе немало автобиографических черт) лежит в больнице, в скарлатинозном бараке. Саша тайком, украдкой пробирается в этот барак. Прорвавшись к дочери, Саша целует ее, обнимает, ласкает, кормит и только потом замечает пристальный взгляд мальчика Шурки, лежащего в той же палате. Взгляд Шурки без слов говорит: «Вот у девочки есть мама, а у меня – нет...». Когда Аня уснула, Саша бросается к Шуркиной кровати, берет малыша, всхлипывая, целует его, обнимает... Потом, когда сестра выпроваживает непрошеную гостью из палаты, Саша бежит по лестнице, по темной улице, плачет. «Никогда, – говорит она себе, – ни за что, никогда. Чужих нет. Все мои. И как же я могла? Взяла Аню и хожу. Никогда! Ни за что!» И бессмысленное это бормотание – как клятва».

Есть писатели, которые охотно и по любому поводу пускают в ход так называемые «высокие слова». Фрида Вигдорова не из их числа. И вдруг неожиданное, необычно высокое слово «клятва». Мне кажется, это не просто клятва медсестры Саши Москвиной. Это клятва самой писательницы Вигдоровой. Это – ее чувства, ее крик души: «Нет! Никогда! Ни за что не забуду: чужих нет. Все мои».

В согласии с этой клятвой Фрида Вигдорова писала, действовала, жила. Два имени прошлого, два символа деятельного добра всегда ассоциируются в моей памяти с ее образом: доктор Гааз и писатель Короленко. А из более близких времен – некоторые из тех, кого тогда называли «диссидентами», но еще не начали выпроваживать за границу...

Помню, с каким счастливым восторгом воспринимала она тогда только становившуюся известной поэзию Александра Галича. Помню наш разговор втроем, когда мы с Фридой наперебой внушали Галичу, что его поэзия – это серьезное, «гражданское» дело.

У Фриды было очень много друзей. Мне посчастливилось попасть в число тех, кого она считала самыми близкими. Память об этом живет меня и поддерживает в самые тяжелые минуты. В моей судьбе Фрида сыграла особую роль: она, можно сказать, насильно ввела меня в литературу. Если б не она, я так бы и осталась научным работником, пописывающим время от времени для себя. Когда я показала ей кое-что из написанного мной (это был рассказ «За проходной»), она загорелась идеей его напечатать, пошла сама в «Новый мир», отдала рукопись кому-то из редакторов, потом написала письмо самому А. Т. Твардовскому, усиленно прося его внимательно прочесть рассказ. Как уже говорилось, отказать Фриде было практически невозможно. Таким образом Фрида ввела меня (фактически «втиснула») в литературу. Вся моя жизнь была бы другой, если бы не Фрида...

Познакомились мы с ней в 1960 году, в Доме творчества писателей «Комарово» под Ленинградом. Я тогда еще не публиковалась, а в Комарове гостила у своей подруги, ленинградского критика Хмельницкой. Когда я впервые увидела Фриду, у меня сразу возникло ощущение: что за прелесть эта маленькая женщина! Короткая, черная с сединой стрижка (мальчишеский чубчик на лбу), яркие, светящиеся глаза, крошечные ноги и руки. Своей изящной и в то же время коренастенькой миниатюрностью она чем-то напоминала народную игрушку. И платице на ней было подходящее: светло-песочное, рябенькое (курочка-ряба), книзу очень широкое, сверху обтягивающее, унизанное в два ряда разноцветными (красными и синими) пуговками. В этих пуговках, как и во всем ее облике, было что-то ослепительно детское...

– Что за чудесное существо эта Фрида Вигдорова! – сказала, любуясь ею, какая-то из пожилых писательниц. – Вот кого седина делает не старше, а моложе!

Так я увидела Фриду в первый раз. Было это в столовой, на застекленной террасе. Вспоминаются какие-то вяющие растения, льющиеся к стеклу и подрагивающие в такт разговору.

Собиралась гроза, близилась лиловая туча, потом крупно полил дождь. Пережидая его, мы плотной группой стояли у выхода.

Как мне хотелось с нею познакомиться! Но она была слишком окружена, слишком нарасхват. И все-таки я нашла повод к ней подойти. Когда-то, еще до войны, в Военно-Воздушной академии, где я преподавала, у меня был слушатель Вигдоров, чем-то, какой-то неуловимой «татаринкой», напоминавший Фриду. Только у него «татаринка» была сильнее. Я заговорила с Фридой.

– Простите, – обратилась я к ней, – ваша фамилия Вигдорова?

– Да, – как-то просто и радостно согласилась Фрида.

– У меня давно, еще до войны, был в Академии Жуковского ученик Вигдоров. Он вам не родственник?

– Он мой брат⁴, – сказала она. – Младший брат. То есть был младший, но теперь я всем говорю, что старший. А что, он был хороший ученик?

– Замечательный! Во всем отделении не было лучше его! Нет, на всем курсе!

– Вот видите, – сказала Фрида, – каким же был мой брат, если его вспоминают через 20 лет!

– Он должен был остаться при Академии. Но тут – война. Как он сейчас? Жив-здоров?

– Жив-здоров, прошел всю войну. Но наукой не занимается, не вышло. Работает, женат, две прелестные девочки...

– Мне хотелось как-нибудь с вами поговорить, – сказала я, ужасаясь своей навязчивости.

– Отчего же? – сказала Фрида. – Давайте, не откладывая в долгий ящик, пойдем завтра гулять.

А на завтра – какое чудо! – на завтра мы с Фридой и с моей ленинградской подругой Хмельницкой пошли на Щучье озеро – под Комаровом, километрах в двух. День был прелестный, голубой, оживленный скольжением облаков, то скрывающих, то открывавших солнце. Дорога шла какая-то белая, скрипящая под ногами каменной щебенкой, она шла мимо зеленого кладбища, где теперь похоронены Анна Ахматова и много других писателей-ленинградцев (тогда мы об этом будущем не знали). Дул ветер, по сторонам дороги шуршали сосны: когда нас обгоняла машина, поднимая клубы пыли, мы отходили в сторону, в лес; торфяные кочки, сизые кусты голубики с зеленоватыми, незрелыми ягодами, хвоя и болиголов... И вообще это был ненарядный, засоренный сучьями и газетами, северный лес. Но всё это было прекрасно, озарено и освещено присутствием Фриды, ее улыбкой, ее милым московским говорком (например, она говорила «твёрдо» с отчетливо-мягким «т»). Мы шли и говорили – открыто, просто, словно век друг друга знали. Она не скрывала своего критического отношения к окружающей действительности⁵; от нее мы впервые узнали, что это критическое отношение можно не прятать в себе, а говорить о нем открыто. И это – в первый день знакомства! С неожиданной открытостью Фрида говорила обо всем: о тирании Сталина, о его патологической мстительности, о гибели всего выдающегося в нашей стране...

Вот мы уже и дошли до озера – и стала видна его широкая, просторная, голубая вдали и торфяная вблизи гладь. Всё это я вспоминаю как несравненный по совершенству фон первого разговора с Фридой. В ее присутствии всё становилось одушевленным, осмысленным и прекрасным. Недаром ее любимым присловьем было: «Это прекрасно!»

Мы пошли в обход озера, и где-то на той стороне Фрида предложила нам: «Хотите, я вам прочитаю?» Конечно, хотим! Мы сели на мох, подстлав какие-то кофточки и пыльники. Фрида вынула из сумки свой журналистский блокнот, стала читать... То, что читала Фрида, было не

⁴ Исаак Абрамович Вигдоров (1919–1968) – военный летчик. После войны испытывал самолеты, работал инженером.

⁵ В своей статье, написанной задолго до публикации, И. Грекова не решилась написать, что Ф.А. сказала на прогулке в лесу: «Я глубоко антисоветский человек». Но вспоминала об этом и рассказывала близким людям очень часто.

просто талантливо, – это было верно. Верно до одури, до сердцебиения. Это было торжество правды – неприукрашенной, любовно высмотренной, пойманной на перо. И читала Фрида без пафоса, просто, душевно, с той точностью интонации, которая создает подлинный эффект присутствия. Мы слушали ее, раскрыв рот. Какая дерзкая, нахальная смесь смешного и трагического! То и дело мы, слушавшие, смеялись неудержимо, и Фрида, закидывая голову, смеялась вместе с нами. Она искренне была убеждена, что только записала услышанное, ничего не «создала», не «выдумала»... В этом-то и состоял ее настоящий дар: суметь услышать, вычленивать, отобрать, воспроизвести самое характерное, необходимое, существенное, то, что в жизни засорено, замусорено... Как мало людей этим даром владеют!

С этой прогулки началась моя дружба с Фридой, продолжавшаяся прискорбно мало лет: с июля 1960 года до ее смерти в августе 1965 года. Эти пять лет были лучшими в моей жизни. Какие бы заботы ни грызли меня, а вспомнишь: «Фрида!» – и сразу становится легче. Это как у Толстого в «Казаках»: «а горы!..»

Вокруг Фриды всё лучилось уютом: и книги, и вазы, и картонный абажур, и старенький японский халатик, и таллинские пестрые чулки-тапочки на маленьких косо срезанных ступнях, и кофе, который она варила на веселом голубом газу в сосуде с высокой ручкой... Вообще Фрида умела и любила радоваться. Ее подвижническая жизнь, полная забот и хлопот о людях обиженных, попавших в беду, не была ни мрачной, ни жертвенной. Веселой любовью она любила мир: поле, речку, ягоды, зимний сад со сверкающей на солнце лыжной. Любила смеяться, праздновать, петь, танцевать, выпускать комические газеты и журналы по случаю семейных торжеств. А больше всего счастливой, серьезной, внимательной любовью она любила малых детей. Ее материнские дневники, где она шаг за шагом описывает раннее детство и подрастание двух своих дочерей, – лучшее из всего, что мне доводилось читать о детстве⁶.

Часто приходится слышать: «смерть настигла писателя в самом расцвете таланта». Фриду Вигдорову смерть настигла не просто в расцвете, а на крутом подъеме таланта. За последние годы стало отчетливо видно, как от вещи к вещи росло, крепло и мужало ее мастерство.

Совсем молодой (чуть старше тридцати лет) она вошла в художественную литературу школьной повестью «Мой класс», написанной по личным впечатлениям от лица юной учительницы, мучительно и радостно ищущей свой путь. Повесть имела большой успех, была переведена на множество языков, сразу ввела Вигдорову в категорию заметных писателей. В том же ключе, но нотой серьезнее, на более высоком художественном уровне, написаны ею три повести о воспитании детдомовских ребят: «Дорога в жизнь», «Это мой дом», «Черниговка». Это – своего рода продолжение знаменитой «Педагогической поэмы» А. С. Макаренко; недаром в качестве воспитателей здесь выступают его ученики и последователи: Семен Афанасьевич Карабанов и его жена Галина Константиновна (истинная их фамилия – Калабалины). В этой трилогии, неоднократно переиздававшейся, Ф. Вигдорова уже проявила себя как мастер занимательного, горячего и серьезного повествования, далеко не чуждого юмору, смеху. Повести читаются с увлечением, как своего рода «педагогический детектив». В них немало трудного, сложного, порой трагического, но светлая нота преобладает...

Шаг вперед сделала Вигдорова и в следующем своем произведении – сюите из двух повестей: «Семейное счастье», «Любимая улица».

Многие знали Ф. Вигдорову, в основном, как журналистку. Ее статьи в «Известиях», «Комсомольской правде», «Литературной газете» и других изданиях всегда вызвали неравнодушное восприятие читателей (радость у одних, гнев у других). Каждая была прицельным ударом по конкретной кривде, за каждой стоял живой человек, в судьбе которого Фрида принимала самое активное, самое деятельное участие. Та же доброжелательность, внимание к судьбам людей, их поддержка характерны и для ее деятельности как депутата. К ней приходили

⁶ Ф. Вигдорова. «Девочки (дневник матери)». – М.: АСТ, 2014.

со своими запросами, потребностями. Один только штрих: даже в те трудные годы множество семей благодаря ее вмешательству и участию были переселены из подвалов...

Сколько было за это время – начало 60-х – сделано Фридой по-настоящему гражданственных – в высоком смысле слова – дел! Одни лишь хлопоты по прописке в Москве Надежды Яковлевны Мандельштам, вдовы поэта, стоили ей, пожалуй, нескольких лет жизни. Это дело, к счастью, закончилось благополучно: Н. Я. Мандельштам прописали... Но скольких усилий потребовало это от Фриды! Она ходила по множеству инстанций, к Эренбургу и другим заметным писателям, всё больше и больше людей втягивала в эту свою деятельность. Прописали!

Множество общественных дел Фриды кончалось благополучно. И только в одном случае – суда над «тунеядцем» поэтом Иосифом Бродским⁷ – никакие ее ходатайства не привели к успеху – уpekли-таки парня в незаконную ссылку!⁸ В этом деле Фрида вела себя просто героически – делала на процессе записи, несмотря на запреты со стороны судьи, и не отдавала дружинникам своих записок («Попробуйте!»), а после процесса, приведя в порядок заметки (не случайно называемые фактической «стенограммой» процесса – так там всё было точно и верно!), широко распространила их. Ее приветствовали, поздравляли, а она упорно повторяла одно: «Мне нет до этого дела, лишь бы мальчик был цел!»

Мне пришлось провести одну ночь в больнице около Фридиной постели. Окна выходили на огромный заснеженный плац, по нему гулял ветер, задувая в окно. Казалось мне тогда, что такой же ветер гуляет по всей нашей стране, истребляя всё, что в ней замечательного... Я-то знала тогда, что Фрида обречена, она – думаю – не знала. Не знала до конца... Подзывая меня к себе, чтобы я дала ей воды, она всякий раз просила у меня прощения: «Извините, что вас зову...». А я бы делала для нее всё что угодно...

Как оценивала себя Ф. Вигдорова в литературном плане? Очень скромно, можно сказать, смиренно. Она часто говорила: «Я не писатель, я журналист». Нет, с этим никак нельзя согласиться. Журналист – да, но не только. И писатель тоже! Впрочем, это единство – журналиста и писателя – свойственно не ей одной.

Сейчас это особенно видно: Н. Шмелев, В. Селюнин, Г. Попов и многие другие проявили себя как писатели прежде всего через журналистику. Зачастую именно черты этой другой профессии сообщают произведениям таких беллетристов неповторимый блеск живых подробностей.

Документальная точность, оперативная свежесть, публицистическая горячность – от журналистики. Строгий отбор деталей, композиционная стройность, обобщение образов, ритмика – от художественной прозы. Наивысшего выражения этот новый стиль Ф. Вигдоровой нашел в самых последних ее произведениях, из которых многие еще ждут публикации. Таковы сборники записей «Из блокнота журналиста» и «Из депутатского блокнота».⁹

Особенно примечательна оставшаяся незаконченной повесть «Учитель», над которой Фрида работала уже тяжело больной почти до последнего дня жизни. Мне посчастливилось слышать главы из этой повести в чтении автора и читать куски самой рукописи – это было лучшее из ее творчества по лаконизму, человечности, мастерству...

⁷ Иосиф Александрович Бродский (1940–1996), знаменитый русский поэт, Нобелевский лауреат (1987 г.), в ту пору молодой ленинградский почти нигде не печатавшийся поэт, в 1964 г. был приговорен к 5-летней ссылке в северную деревню и к принудительному труду по обвинению в тунеядстве, так как он не имел постоянного места работы. Ф.А., несмотря на все препятствия, записала этот чудовищный процесс и последние полтора года своей жизни боролась за освобождение Бродского, рассылая повсюду свою «крамольную» запись.

⁸ Как известно, усилия Фриды Вигдоровой в конце концов привели к успеху – не будь ее записи, Бродский провел бы в ссылке не полтора года, а все пять лет, – но это случилось, когда ее уже не было на свете.

⁹ Кое-что из этих двух блокнотов публиковалось уже посмертно, в «Литературной газете», кое-что в сборниках статей «Кем вы ему приходитеесь?». На мой взгляд, оба блокнота необходимо издать отдельной книгой (удивительно, как мало изменилась человеческая речь за прошедшие годы). – *Прим. автора.*

Из речей персонажей образуются портреты – живые, узнаваемые портреты тех, кого мы видим изо дня в день, но не слышим: чтобы услышать, надо иметь ухо и приметчивость Фриды Вигдоровой. Кто только не говорил на страницах ее очерков: и колхозники, и учителя, и управдомы, и прокуроры, и судьи... Никакие рассуждения о формализме в преподавании, об оказывании человеческой речи не бьют в цель так точно, как, скажем, разговор учительницы с провинившимся мальчиком в статье «Пресная вода резонерства» (статья вошла в сборник 1969 года «Кем вы ему приходитесь?»):

– «Зачем ты ворует, Николай?

– Я – Боря.

– Это неважно. Тебя Родина воспитывает, чтобы ты был человеком, чтоб ты строил новое общество, а ты ворует, на лестницах бьешь лампочки и матом ругаешься при девочках. Обдумай свои поступки и к концу учебного года, Николай...

– Я – Боря.

– Это не имеет значения. Пусть Боря, так вот, к концу четверти ты исправишь свои отметки?

– Да.

– Станешь искренним?

– Да.

– Мужественным?

– Да.

– Так вот, Боря, ты ворует и пишешь на стенах плохие слова. Между тем в библиотеках у нас свободный доступ к полкам. Подумай об этом, Коля!

– Я – Боря.

– Пусть Боря. В трамваях и троллейбусах у нас кондукторов нет, а ты, Николай, что делаешь?»

Поистине устрашающий разговор!

«Все высокие слова на месте, – заканчивает сценку Ф. Вигдорова. – Словам ее научили. Действию, мысли – нет. Говоря с учеником, она думает о чем-то своем. Мальчика зовут Боря Николаев, и поэтому она упорно называет его Николаем. А он не слушает, он занят одним: «Я – Боря».

А вот и другая сценка, еще короче: разговор ведется на комиссии по делам несовершеннолетних.

«А почему у тебя зуб золотой? – спрашивает один из членов комиссии провинившегося парнишку.

– Мать вставила.

– Гражданка Соскина, а почему вы вставили своему сыну золотой зуб?

– Из принципа.

– Это как же?

– Муж утащил мое колечко, а я тогда на его кольцо понаставляла зубов себе и сыну. Принципиально».

Удивительно схватывает Ф. Вигдорова бюрократический жаргон нашего времени. В заметках «Из депутатского блокнота» – части ее неопубликованного литературного наследия – есть, например, три речи председателя домкома – каждая из них – перл ложно-торжественного канцелярского пустозвонства.

«Остановимся на первом пункте, о количестве квартир, включившихся в соревнования за коммунистический быт.

Раньше у нас было зарегистрировано как хорошие – шесть квартир, а теперь одиннадцать. Они выполняют пункты, чтобы сберечь соцфонд и соблюдать взаимоотношения.

Есть четыре семьи в хороших взаимных отношениях, люди стали более общаться, и мы должны афишировать, когда работает клуб или кинопередвижка, а то афиш нет, и люди не знают, когда работает клуб, в котором они могут общаться.

Нам некоторые говорят разные нарекания, и, конечно, извините за грубость, мы, конечно, много набракоделили. Но есть такие, что зря злорадствуют, и если по-ихнему не вышло, то делают улыбочку. Вот Пахомова из дома шесть по Неждановой, она вечно бежит в единственном числе и смотрит, что не так».

– Ну и что? – скажет невдумчивый читатель. – Поставили магнитофон, записали речь, только-то и всего!

Глубочайшее заблуждение! Литература, как и всякое искусство, есть отбор. Художник отбирает из окружающей его действительности черты самые характерные, самые выразительные и из них делает словесный портрет. Приведенная речь – выразительнейший портрет деятеля недавних времен, который, может быть, и хочет хорошего, но бьется в тенетах примелькавшихся штампов.

Записи, которыми заполнены оба блокнота – «журналистский» и «депутатский», – плод длящейся пристальной работы писателя, его обобщений и наблюдений. Стенограмма этого не передает (такое знает каждый человек, читавший и правивший свои стенограммы). Запись Вигдоровой так же отличается от стенограммы, как хороший портрет от плохой фотографии.

Да, это был особый дар – не только услышать, но и расслышать, передать главное. Когда-то Фрида говорила мне:

– Есть два типа писателей: «писатель-глаз» и «писатель-ухо». Вот вы, например, писатель-глаз, а я – писатель-ухо. Чуть дело доходит до описания внешности героя, я только и могу, что «лоб-глаза», «глаза-лоб».

Да, не было в ее прозе развернутых пейзажей, тщательно выписанных портретов. Но были четкие, кованные подробности зримого мира.

Вот, например, речной пейзаж в повести «Семейное счастье»:

«Река широкая, утро тихое, а над головой небо: летнее, синее.

Надо плыть медленно, чтобы успеть заметить всё вокруг. На том берегу два мальчика. Один стоит, другой сидит, опустив ноги в воду. Один в трусиках и красной майке – и отражение в воде тоже красное. А дальше гуси – раз, два, три, четыре гуся. Гусь вытянул шею, попил и задумался: хорошо».

Какое простое, точное и емкое описание! И как много оно говорит именно зрению. Это «раз, два, три, четыре» – словно глаз, перебегающий от гуся к гусю...

А вот примеры из последней, незаконченной повести «Учитель»:

«Длинный дом с клубами синего дыма за ее спиной походил на корабль».

Или:

«Прямо в окно, запутавшись в сетке черных ветвей, смотрела большая граненая звезда».

Или (раннее утро):

«Потухший фонарь стоял, свесив голову. А солнце уже показалось из-за леса, самый край. И то, что вчера тонуло в темноте, сейчас проступило, – ворота, низкий, полуразвалившийся штaketник. И стало видно старую корявую ветлу за низким забором. Она протянула толстую, суковатую руку и оперлась ею о землю».

Нет, Фрида Вигдорова отнюдь не была только «ухом». Была она и «глазом» – зорким, добрым, «ухватистым». Умела несколькими точными словами воссоздать зримое. И всегда была для меня в этом смысле образцом, примером жесткого, на грани аскетизма, самоограничения.

Вигдорова ушла из жизни, не дописав лучших своих вещей, не увидев их опубликованными. Но и то, что она сделала в писательстве, в журналистике, просто в жизни – прекрасно.

Счастливы все, знавшие ее. И за эту встречу, эту дружбу я благодарю свою судьбу.

И. Грекова

Статьи, очерки



Кем вы ему приходитесь?

«Комсомольская правда», 1959

Дорогая редакция, уважаемые товарищи, пожалуйста, помогите. Я прошу: не отвечайте по почте, позвоните, вызовите меня, сделайте это скорее. Мой ученик попал под суд и приговорен к пяти годам заключения. Я прошу вас: выслушайте меня. Я приду и всё расскажу вам. Скорее!

И. Кленицкая, учительница 527-й школы Москвы.

Было ли совершено преступление? Да, было. Виктор Петров¹⁰, семнадцати лет, ученик девятого класса московской школы, украл из сарая двух кур, кролика и пару валенок. Незадолго перед этим он украл у жителя поселка Солнцево велосипед. Вскоре после этого Виктор гулял вместе со своим приятелем Зикуновым по улице. Навстречу им шла женщина. Внезапно

¹⁰ На самом деле у Виктора была другая фамилия.

Зикунов кинулся к ней и вырвал у нее из рук сумку. Виктор не только не вступился за женщину, но бросился бежать следом за Зикуновым. Виктора Петрова предали суду. И приговорили к лишению свободы сроком на пять лет.

Итак, преступление было совершено. Виктор Петров действительно виновен.

– Да, виновен. И все-таки поверьте мне: он хороший человек. Ему надо помочь, его надо выручить. Колония его погубит.

– Кем вы ему приходитесь?

Этот вопрос Инна Яковлевна Кленицкая слышит не в первый раз: кем вы ему приходитесь? Вы столько души кладете, защищая его. Вы с таким жаром говорите о нем. Так сильна ваша надежда, ваше желание помочь. Кем же вы ему приходитесь?

Родство, существующее между Инной Яковлевной и Виктором, не всякий признает родством.

И все-таки оно есть. Оно велико и ответственно. Может быть, оно самое прочное и высокое из всех, что есть на свете. Оно самое бескорыстное.

Инна Яковлевна – Витина учительница. В течение трех месяцев она заменяла заболевшего преподавателя литературы в том классе, где учился Витя. Но трех месяцев оказалось достаточно, чтобы зацепиться мыслью за подростка, который смотрел исподлобья, отвечал неохотно, а подчас и дерзко. Инна Яковлевна помнит урок, на котором она говорила о Пьере Безухове. На перемене Виктор подошел к ней и сказал:

– Вот вы говорите, что надо жить так, как жил Пьер, – для людей, для большой цели. А я вам скажу: мне семнадцать лет, а я за всю свою жизнь не видел такого человека. Покажите мне хоть одного, который вступился бы за другого, для которого хорошее дело – главное в жизни. Таких нет. Все думают только о себе.

Учительница не услышала в этих словах вызова. Она услышала горечь. И боль. Она не стала произносить речей. Она попыталась понять, дознаться, чем вызвана эта горечь. Она хотела знать, какие у Виктора друзья. Что он любит, что ему дорого? Она познакомила его с людьми, которых любила сама. Познакомила своего ученика со своими друзьями – книгами. Она увидела, что друзей-книг у Виктора, в сущности, не было. То, что преподавали в школе, он учил, выучивал, отвечал. За это выводили отметку, но книга не становилась помощником и другом. Она узнала: два года назад умер Витин отец. У него вырвали зуб, началось заражение крови, и он умер. Из-за недосмотра. Из-за равнодушия. Из-за того, что врачи не пришли вовремя на помощь.

Так бывает: большое горе, которое пришло в твой дом, заслоняет весь мир. Оно мешает видеть и слышать. Всё становится темным. Если равнодушие возможно в таком святом деле, как врачебное, где же правда? Где же хорошие люди? Где они – те, которые могут бескорыстно помочь? Виктор был уверен: таких нет. Он очень любил отца и никому не хотел простить его смерти. Он во всем изверился.

Но Инне Яковлевне он поверил. Он всё чаще оставался после уроков, чтобы поговорить с ней о прочитанной книге, чтобы узнать, нравятся ли ей стихи Мартынова и верно ли поступил писатель, заменив сложный и, может быть, трагический конец своей книги благополучным концом в кинокартине: он читал «Не ко двору» Тендрякова и видел фильм по этой повести. Однажды он сказал:

– Мне всё равно, а только хороших людей мало на свете.

Она ответила:

– А прежде вы говорили, что их совсем нет. И если бы вам было всё равно, вы не пришли бы ко мне и не стали бы говорить об этом.

– Да, правда, – согласился он.

...Настало лето. Виктор уехал в поселок Солнцево, в домик, который поставил еще отец, – он был плотником. Старшая сестра уехала в экспедицию. Виктор жил в домике вдвоем с постояльцем Степаном Васильевичем.

Этим летом всё и случилось. Кража. Суд. Колония.

Я хочу верить учителю, друзьям, семье. Я верю им. Но я не могу написать о «деле Виктора Петрова», если не пойму, что с ним случилось. Человек сложен. Сложен и юный человек. И ребенок. Каждый может однажды совершить такой поступок, какого от него никто не ждет. Но что все-таки заставило сына честной и доброй семьи украсть?

...Стучат колеса поезда. Ночь. Далекие огни в темноте. Сутки, другие. Поезд. Катер. Самолет. Грузовик. Дрезина. И вот передо мной бывший ученик московской школы Виктор Петров. Темная спецовка, голова обрита наголо. Глаза опущены.

– За вас вступаются ваша учительница, ваши товарищи. Они говорят, что вы хороший человек. Но всё, что они говорят, разбивается о то, что было. Помогите же понять, что это было?

– Я жил один. Без матери, без сестры... Без присмотра... – медленно, с усилием цедя слово за словом, отвечает Виктор.

– Разве семнадцатилетнему человеку нужен присмотр?

Он поднимает голову. И медленно поднимает глаза:

– Это вы верно говорите... И мне оправдания нет. Я просто считал, что все на свете подлецы. И наш постоялец смотрел на жизнь так же... Он...

Я понимаю: то, что я хочу сказать, – жестоко. И все-таки говорю:

– Можно думать о мире всё, что угодно. Но из этого не следует, что надо сбивать замки с чужих сараев.

– Вы правы. Но я же сказал: я и не хочу оправдываться. Я хочу объяснить. Хочу объяснить вам, что мне стало всё равно. Мне жить не хотелось. Он говорил: все подлецы и сволочи. Даже про Инну Яковлевну он сказал: «Выслужиться она хочет перед начальством. А до тебя ей дела нет. Никому ни до кого нет дела, понимаешь?» Вот так он говорил. И Зикунов считал так же... Он был уже осужден условно за кражу, Зикунов. Он много пил и всегда приглашал меня. И я ходил с ним. Были у меня друзья – Зина Лебедева и Юра Громов, но я с ними в то время поссорился. И я стал выпивать с Зикуновым и с постояльцем нашим. Я знаю: я слабый, безвольный. Но, кроме того, мне всё стало безразлично. И когда меня позвали на кражу, я пошел...

Этот разговор – один на один – был долгий. Нам никто не мешал, мы могли говорить обо всем, и мы говорили.

Удивительно, причудливо, иной раз непостижимо учит человека жизнь. Когда круг замкнулся, когда жизнь повернулась к Виктору самой темной своей стороной – скамьей подсудимых, колонией, – перед ним забрезжил свет:

– Вот поверите ли, мне всё равно было: засудят, оправдают, дадут условный срок. Безразлично. И вдруг на суде смотрю – Инна Яковлевна! Откуда? Как она узнала? Ведь она давно уже нас не учила. Мы столько времени не виделись. Я никого не просил ее известить. А вот пришла. Она и в суде-то никогда, наверное, не была, долго не понимала, куда встать, уж в зале даже начали смеяться. Ну, адвокат ей помог, поставил лицом к судье и заседателям. А я смотрю на нее и думаю: пришла. Никто не звал, а она пришла. Я хотел только одного: не расплакаться бы. И, хотите верьте, хотите нет, я ушел с суда – ну, счастливый, может, и не счастливый, но с радостью в душе: я не звал, а она пришла. Просто пришла помочь. И вы скажите ей, чтоб не волновалась, – я не пропаду. Это я твердо решил. Ни на кого не хочу сваливать свою вину, ни на постояльца нашего, ни на Зикунова. В семнадцать лет надо и свою голову на плечах иметь. Я знаю, из колонии часто пишут: я, мол, всё понял и обещаю исправиться. Но я это твердо решил.

«Твердо решил...» Эти слова Виктор повторяет часто. Можно ли верить в твердость этого нового решения?

Много испытаний есть в человеческой жизни. Испытание бедой, может, и не самое страшное, но и оно велико. Оно обрушилось на слабые плечи, но человек сжал зубы и сказал себе: «Не пропаду».

Передо мной не преступник. Передо мной в темной спецовке, положив голову на руки, сидит оступившийся подросток, который давно и до конца понял свою вину и горько о ней сожалеет.

Здесь есть школа. Виктор работает и учится в девятом классе. Хорошо работает и хорошо учится. И как бы ни повернулась его судьба, сколько бы ему ни предстояло оставаться здесь, он кончит десятый класс и получит аттестат зрелости. Так он решил. Твердо.

Мы прощаемся. Я выхожу из колонии и оборачиваюсь напоследок. Только выйдя за этот забор, понимаешь слова: «воля», «на воле». Вон те сосны – это воля. Прямая, как стрела, дорога через лес – воля. Высокое небо, цветущая верба, молодая березовая роща – воля, воля, воля...

«Я не видел человека, который вступился бы за другого», – говорил Виктор своей учительнице. Он в своей жизни еще никому не успел помочь, он сам еще никогда ни за кого не вступился. Но когда он попал в беду, за него встали стеной.

В редакцию пришли Зина Лебедева и Юра Громов:

– Его нельзя, нельзя засудить, он там пропадет. Он честный, но слабый, его надо выручать.

В суд пришла Инна Яковлевна Кленицкая.

– Я ручаюсь за него, он будет хорошим человеком, я обещаю, я отвечаю за это, – говорила она.

Директор школы, где работает Инна Яковлевна, согласился взять Виктора на поруки, сказал, что зачислит его в десятый класс. Он верил, что, пережив случившееся и попав в хороший коллектив, Виктор сумеет загладить свое прошлое. Он не знал Виктора, но он знал учительницу Кленицкую и верил ей.

Кем приходится Виктору Юра и Зина?

Товарищами.

Кем приходится Виктору Инна Яковлевна?

Учительницей.

Кем ему приходится директор школы?

Никем. Он чужой человек. Он просто человек. И он тоже учитель.

Суд вершит великое и важное дело правосудия. Он ограждает общество от преступников. Виктор украл и должен был быть наказан. Тут не может быть спора, не должно быть недоумок. И все-таки суд должен был прислушаться к слову учителя. Учитель не хотел сваливать со своих плеч ответственность. Он готов был нести ее, готов был отвечать. Директор школы и учительница хотели взять Виктора на поруки. Это не пустые слова, и им надо было довериться. Ведь недаром с такой горячностью, с такой убежденностью встала Инна Яковлевна на защиту своего ученика: она угадала в нем живую душу и хотела сберечь и взрастить всё доброе, что в нем увидела. Она понимала, что колония может сломать то, что только-только начало жить в этой душе. И судьи должны были прислушаться к голосу учителя, потому что всякий человек, отвоєванный у колонии, – это победа судей.

Ну, а мы кем приходимся Виктору Петрову, мы, которые живем рядом, пишем, учим, воспитываем? Мы тоже в ответе за него. Кончается ли наша ответственность за человека, когда за ним захлопнулась тюремная дверь? Нет, не кончается, она вырастает безмерно. И всем нам – каждому! – надо о многом задуматься.

Когда я спросила Виктора, как же за один месяц рухнуло всё, чему его учили школа, книги, родители, он ответил:

– Не за месяц... За семнадцать дней.

За семнадцать дней подростка, который не украл ни полушки, уговорили сбить замок с чужого сарая. За семнадцать дней подростка, который никогда не пил, споили. За семнадцать дней юношу, который никогда не просил у матери денег («не покупай мне новую рубаху, прохожу в этой»), этого юношу соблазнили чужими деньгами – он украл велосипед и продал его.

Почему Зикун, уже судившийся человек, которому ничто не дорого, почему он оказался сильнее школы, учителя? Почему сильнее оказалась водка, соблазн легкой жизни, почему семнадцать дней, брошенные на чашу весов, перетянули семнадцать лет?

Может быть, если б сестра Валя не уехала в экспедицию, ничего не случилось бы. Может, окажется рядом мать, – ничего не случилось бы. Может, не поссорился Витя со своими друзьями – Зиной и Юрой, он не подружился бы с Зикунным, не стал бы слушать речей постояльца Степана Васильевича, не стал бы пить с ним водку. Если бы, если бы...

Но чего же стоит чистота, которую надо так оберегать? Чего стоит твердость, которую надо так ограждать? Разве дело в том, чтобы оберегать и ограждать? Надо, чтобы яд, который источают Зикун и Степан Васильевич, не мог подействовать на человека. Оградить хоть и трудно, но можно. Но что толку – ограждать? Надо научить сопротивляться, надо создать такую «душевную химию», чтоб само собой возникло противоядие.

Можно твердить: не водись с этим мальчиком, не водись с этой девочкой, они научат тебя плохому. Но ведь когда-нибудь человек уйдет из дому. Он будет открыт всем непогодам, на него могут обрушиться горести и беды, которых никто не в силах ни угадать, ни предвидеть. И кто же его тогда обережет, если он еще дома, еще в школе не научится понимать, что хорошо, что плохо? Если здесь не родилась в нем та твердость, которая окажется сильнее Зикунна?

Литература не просто предмет в ряду других предметов, литература строит душу. Это хорошо, если ученик может толково охарактеризовать образ Пьера Безухова или Андрея Болконского. Но гораздо, неизмеримо важнее, чтобы персонажи, художественные образы стали друзьями или недругами, чтобы мысль писателя будила душу и совесть подростка. Тогда он будет сильнее, тогда он будет тверже. Семнадцать лет Виктор мало и плохо думал, вот почему семнадцать дней оказались сильнее семнадцати лет.

Нет поступков, не оставляющих следа. Нет и людей, которые прошли бы через нашу жизнь бесследно. Когда Виктор украл велосипед, он продал его Леониду Андреевичу Николаеву, который много лет исполнял обязанности народного судьи в солнцевском суде. Николаев – сосед Петровых. Он не мог думать, что вдова, получающая скромную пенсию, подарила сыну новенький дорогой велосипед. Он понимал, что покупает краденую вещь. Почему он не сказал мальчишке: «Ты украл. Верни велосипед. Боишься? Пойдем вместе, я помогу тебе признаться».

Но он не сказал этого. Он предпочел купить новый велосипед за треть цены.

Зикун, вор, уголовник, тащил Виктора с собой, спаивал, хотел сделать из него подручного. Он олицетворял собой активное зло, и его вина ясна всем. Но разве не так же виноват и Николаев? В его силах было остановить Виктора, предотвратить будущее преступление. А он вместо того, чтобы вытащить мальчишку из ямы, толкнул в нее.

Были на пути Виктора люди, которые помогали ему, боролись за него. Были и другие, они толкали его вниз. Были и такие, что смотрели равнодушно, и они тоже виновны. Прислушаемся же к тем, кто не равнодушен. Прислушаемся к голосу учителя, который говорит:

– Я верю в него. Он будет хорошим человеком и работником. Ему колония не нужна, он выпрямится на воле.

...Извлекает искры

«Известия», 1964, 8/1, № 7, стр. 4

Ректор Псковского педагогического института Иван Васильевич Ковалев сказал мне однажды, что с детства не забыл, как мужики из их села ходили в соседнее – «за рбзумом». Видно, там жили умные люди, оттого-то к ним и ходили посоветоваться, поспорить, одним словом – за розумом. Я думаю, что в педагогический институт молодой человек приходит за тем же: за розумом. Он приходит в надежде на то, что отпущенный ему природой ум развернется, что он научится не только накапливать знания, но и широко осмысливать их. Кроме того, и это не менее важно, институт должен разбудить в студенте учителя.

Я думаю, что в каждом человеке живет учитель. Только люди не всегда это осознают. Но оно так. Ты не преподаешь в школе, но ты воспитываешь своих детей. У тебя нет своих ребятшек, но ты работаешь на заводе, в учреждении, и если в тебе жив учитель, тебе легче будет среди людей. Только условимся: учитель – это не тот, кто постоянно читает нотации и школит окружающих. Учитель – это человек, который умеет слушать другого человека и понимать каждый характер.

Я начала свою учительскую работу в Магнитогорске. Я любила свою профессию, более того – я мечтала о ней со школьных лет. Мне дали хороший, слаженный третий класс. И в первые же дни мне показалось, что всё пошло прахом. Я не могла бы сказать сейчас, какие ошибки я совершила; каждый мой шаг был ошибкой. Но почему, почему, ведь я так хорошо усвоила курс естествознания, истории, арифметики и прочих наук, которые надо было преподавать в начальной школе? Я училась в очень хорошем техникуме и до сих пор благодарна своим преподавателям. И все-таки, придя в школу, я вдруг поняла, что самая трудная задача вовсе не та, которой я боялась, и отношения ни к истории, ни к арифметике она не имеет. Одной из самых трудных задач оказался Петр Логвиненко.

В свои одиннадцать лет он считал, будто учиться ему решительно незачем. Переубедить его я не могла. Родители у него разошлись, и один месяц он жил у папы в Магнитке, другой – у мамы в Челябинске, третий – у бабушки в Златоусте... Притом и мать, и отец, и бабушка имели свою концепцию этого характера, так что задача становилась совсем неразрешимой. «Только лаской, он так раним», – писала мне Петина бабушка. «Наказывать», – был уверен отец. А мама говорила: «Не обращайтесь внимания, всё обойдется». Поиски ответа в книгах – даже самых лучших – ни к чему не вели. Наверное, страх перед новизной задачи мешал видеть...

До сих пор считаю себя счастливым человеком оттого, что в школе, где я работала, были люди с большим учительским и душевным опытом. Они приходили на мои уроки. Приглашали меня к себе: смотри, учись. Я смотрела. Спрашивала. Не всегда соглашалась с тем, что видела, но и в несогласии было нечто такое, что помогало мне: я училась думать над задачей, которая называлась – дети.

Я полагала, что, еще учась в техникуме, любила учительскую работу. Нет, только придя к детям и хлебнув горечи, я поняла, что такое учительский труд. И тогда откликнулись и пришли на помощь знания, которые дал мне техникум. А беда, как я понимаю теперь, была в том, что я готовилась к теплу и безветрию. И не захватила в дорогу снаряжения на случай грозы и мороза. И конечно же я не умела думать. А умение думать в трудном учительском походе – главное снаряжение.

В педагогических вузах искренне хотят воспитать – и воспитывают – в студенте любовь к учительской профессии. Но любовь эта – умозрительная. Школой любят, как парусником в далеком море: какая лазурь! А парус – как крыло невиданной птицы! А белоснежные облака... И всё это далеко, далеко... Поясню свою мысль примером.

К студентам Ленинградского педагогического института имени Герцена пришла учительница Наталья Григорьевна Долинина¹¹. Ее пригласил клуб интересных встреч. Студенты

¹¹ Наталья Григорьевна Долинина (1928–1979) – педагог, журналист, писатель. Близкий друг Ф.А.

слушали Долинину, соглашались, не соглашались, спорили, задавали вопросы, роптали, удивлялись. Всё было как в разговоре, который всех задел и никого в стороне не оставил. Преподаватели кафедры педагогики в этом разговоре участия не приняли. Но ушли они с этого диспута в большой тревоге. Тревога была настолько глубокой, что заставила их обратиться в газету. Суть же заботы заключалась в следующем: пристало ли со студентами педагогического вуза говорить о несовершенстве педагогической науки да еще заявлять: «Я – яростный противник педагогики в том виде, в каком она сейчас находится». И еще: на вопрос, как она воспитывает коллектив, Долинина ответила: «Пока я не привязалась к каждому и каждый ко мне, коллектива не будет. Чем же их объединить, если не общим интересом к себе – для начала?» Нет ли в таком ответе себялюбия, тщеславия и поисков дешевой популярности? И наконец, Долинина согласилась со студентами, что материальное положение учительства трудное и что, по ее мнению, надо работать, не рассчитывая на то, что оно скоро изменится.

Я разговаривала с преподавателями, хотела понять: что привело их в такое смятение? И что, по их мнению, должна была ответить Долинина, к примеру, на вопрос о материальном положении учительства?

– Она должна была увести студентов от этого вопроса, – сказали мне.

В одном из своих писем Боткину Белинский говорит так: «Многих людей я от души люблю в Питере... Но... я начинаю замечать, что общество Герцена доставляет мне больше наслаждения, чем их: с теми я или говорю о вздоре, или тщетно стараюсь завести общий интересный разговор, или проповедую, не встречая противоречия, и умолкаю, не докончивши; а эта живая натура вызывает наружу все мои убеждения, я с ним спорю и, даже когда он явно врет, вижу все-таки самостоятельный образ мыслей».

Проблема «собеседника», видимо, сильно занимала Белинского, потому что вскоре, жалуясь тому же Боткину на пресные, без спора и увлечения разговоры с друзьями, он особо выделяет Тургенева, «самобытное и характерное мнение которого, сшибаясь с твоим, извлекает искры». Как не позавидовать человеку, у которого были такие собеседники! И видно, не только студенты и дети ходят в поисках «розума»... Но если даже для такого ума, как ум Белинского, необходима была сшибка с чужим мнением, с чужой мыслью, то как же это необходимо для ума, который растет и развивается!

Клуб интересных встреч – превосходная вещь. Но когда приглашаешь к студентам интересного человека, надо помнить: интересный человек – своеобразен и думает не по шаблону. А раз он таков, он непременно взбудоражит своих слушателей, заставит их спорить, думать, искать. Если учителя учителей к этому не готовы, то вместо клуба интересных встреч следует открыть клуб бесспорных вещаний.

К сожалению, встречи студентов с людьми их будущей профессии нередко проходят по такой парадной схеме: «Перед вами сейчас выступит заслуженный учитель (сталевар, врач, агроном...)». Затем заслуженный учитель выходит на трибуну и говорит о счастье быть наставником юношества. А потом молоденькая учительница расскажет, как она блистательно справилась со всеми встретившимися ей трудностями. Разумеется, кто-нибудь из выступающих честно предупредит студентов, что работа учителя трудна... Ну как тут не вспомнить парусник в далеком море? Какая лазурь! Какая синева!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.